

«Учёба за партами безнадежно устарела»

Директор челябинского лицея № 11 — о школе будущего, о том, кто круче: 31-й или 11-й, кто из детей может попасть в эти «элитные» заведения, и так ли это нужно для психики ребёнка. А ещё о том, какими школы будут через 20 или 30 лет.

29 августа 2017

[Игорь Галактионов](#)

Андрей Ткаченко

— Елена Владимировна, в качестве ликбеза для тех немногих, кто мало знает об одиннадцатом лицее: какая специализация у вашего учебного заведения, и кто на самом деле может здесь учиться?

— Многие дети и родители, наверное, хотели бы у нас учиться, но многие нас не выбирают... Сегодня у нас около тысячи детей, и с учётом присоединения прогимназии № 133 в июле этого года нас уже около 1 400.

У лицея есть своя миссия, своя позиция, своя концепция — лицей четко знает, что именно хочет. Это школа для мотивированных детей, для тех, кому интересно учиться. Для тех, кому нравится, когда трудно — решать сложные задачи, трудиться, воспитывать в себе качества исследователя мира,

реализовывать свой собственный жизненный проект. Мы помогаем развивать сильный характер и острый ум. Наши ученики требовательны к себе и обладают высокими моральными принципами. Им прививается культура глобального мышления, они умеют самостоятельно принимать решения и быть лидерами. Еще при всей моей нелюбви к термину «элита» скажу так: 11-й лицей сегодня готовит людей, которые способны быть управленцами. Кем и чем они будут управлять? Новыми техническими системами, новыми человеческими возможностями, новым капиталом. Для этого должны быть определенные качества личности.

А кто у нас воспитывает управленцев? В нашей стране, если и готовят руководителей, только начиная с высшего образования — вопрос: а не поздно ли? И не нужно думать, что эта элита в том смысле, что они лучше живут — нет! Словами Хосе Ортеги-и-Гассета (испанский философ и социолог — прим. редакции) скажу: «Это люди, которые к себе более требовательны, чем к другим». Они ответственные, совестливые и требовательные. Готовить таких людей — и есть наша миссия.

— А зачислиться в ряды такой «элиты» как возможно? Что нужно — жить в этом районе, быть очень талантливым ребенком, какой-то взнос за приём родители должны внести?

— Почему вообще такие фантазии в нашем городе? «Заплати — и окажешься»? Это нарушение законодательства грубейшее. Социальную ответственность родителей за создание условий законодательство не отменяло, но делать это можно и нужно только добровольно. Принцип добровольности тоже никто не отменял.

Первое, о чем мы предупреждаем «на входе» в школу: в этом лицее учиться трудно! А попадают к нам те, кто рекомендован психолого-медико-педагогическим консилиумом. Просто желающих гораздо больше, чем мы можем принять — вот и весь секрет. Мы принимаем в первый класс немногим более 50 детей в год, а к нам хотят попасть 250–300 — и что в этом случае делать? Для этого и создан консилиум, который рекомендует: какие дети смогут обучаться по интенсивным, трудным, углублённым программам без ущерба для здоровья — и это главное! Давайте будем честными, если бы к нам в школу не хотело бы столько людей — всем было бы очень просто: кто первыми пришёл — зачислить. Но рано или поздно возникнет вопрос: все ли смогут выдержать нагрузки, работать по углубленной образовательной программе — 36 часов основных занятий в неделю, 10 часов внеурочной деятельности, дополнительное образование без ограничений? Поэтому сюда попадают те, кто хочет и может ТРУДИТЬСЯ!

— А если оперировать результатами? Те, что лежат на поверхности и всем очевидны,— это процент поступления выпускников в ВУЗы и «олимпиадники».

— У нас все поступают, все 100 процентов.

— И нет исключений и каких-то «несчастных» случаев?

— Случаев, что кто-то не поступил, я не знаю. Бывает, что поступают не в те ВУЗы, которые хотели и планировали, но все-таки поступают. Наши дети изначально ориентированы на высшее образование. Бывают случаи, когда ребёнок отучился год в университете или два, но затем ушёл и поступил в другой. Так случается порой — человек взрослеет и начинает понимать, что ему нужно.

Что до «олимпиадников» всероссийского и международного уровней: в этом году у нас 13 победителей олимпиад, включённых в список Министерства образования и науки Российской Федерации. Мы отдаем предпочтение таким олимпиадам, потому что они дают льготы при поступлении в ВУЗы. А ещё у нас 82 победителя всероссийской олимпиады «Звезда», тоже входящей в перечень Минобра. По всероссийским конкурсам цифра ещё больше — 160 детей. Это только всероссийский и международный уровень побед. Но моя глубокая уверенность — эти победы не должны быть основным критерием рейтинга школ. Не в олимпиадах «счастье»... хотя это, безусловно, некий результат системы.

— Благодаря достижениям ваших школьников, лицей этим летом приобрел уникальную нанолабораторию. Расскажите о ней.

— Благодаря интеллектуальному ресурсу команды и достижениям школьников... РОСНАНО дало нам в пользование нанолабораторию из 12 модулей. Каждый из модулей стоит минимум от 50 тысяч рублей. Наша задача — «вписать» этот ресурс в рабочие программы, осознать, как с ними работать, и наконец, максимально применить в образовательной практике.

Кроме того, 30 детей за победы во всероссийских образовательных проектах «Школьной лиги» получили возможность обучаться в знаменитых образовательных центрах «Сириус», «Артек» и «Орлёнок». «Сириус» — центр, лучше которого сегодня для образования детей нет ничего в России и, пожалуй, в мире.

Тут ведь в чём вопрос: нанолаборатория — исследовательская лаборатория, предназначена для формирования исследовательского мышления и знакомства с высокими технологиями, но исследование никогда не лежит в рамках одного предмета: физики или математики, оно надпредметно, оно черпает проблемы из жизни. Если мы хотим сформировать у ребенка исследовательское поведение — надо формировать метапредметные умения и навыки.

Эти модули — межпредметные, метапредметные. Названия у них забавные, но содержание — сами посудите. К примеру, «Лаборатория кота Шрёдингера» — ее суть в том, чтобы показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим. Модуль «Самогонки», «Мыльная опера», «Геккон» и другие. Задача — мотивировать, сформировать интерес, ставить проблему и тренировать ребёнка действовать в неопределенных ситуациях. Перспективные и одаренные могут получить конкретные научные результаты в «Сириусе» — там уже производственные лаборатории, а не учебные — и очень возможны настоящие изобретения.

— Ещё один вопрос, может быть, провокационный. Все в городе спорят: где престижнее обучать ребёнка — у вас или в 31-ом лицее? Есть ли между вами конкуренция, и в чём она проявляется?

— Я очень уважаю 31-й лицей и его руководителя. У этой школы своя ниша, важная для региона, эффективно реализованная миссия (специализация лицея № 31: физика и математика — прим. редакции). Мы две очень разные школы, и наша разность — прерогатива и «хорошая новость» для идеи многообразия мира. Но помимо нас есть ещё ряд отличных школ, о которых все знают! Есть замечательные школы, о которых мало кто знает — современные и интересные — просто диву даёшься, как люди работают самоотверженно и на совесть.

Уникальность нашего времени в осознании многообразия: каждый может выбрать своему ребёнку образовательное учреждение по своему «вкусу». Но многие забывают, что конкурентная школа тоже поставлена в ситуацию выбора. Это же не мной придумано... Ах, если бы школы были оснащены одинаково: и кадрами, и ресурсами — наверное, конкурентоспособность была бы не актуальна, и организовать плановый прием было бы гораздо проще.

Все родители говорят: «Мы хотим учиться в хорошей школе, у хорошего учителя». Это и понятно, хоть и звучит неопределенно, но все же «хорошая школа» в понимании родителей — это безопасность и знания. Как ориентируются родители? Сколько у школы «олимпиадников», какой средний бал ЕГЭ...

Ммм..... неточно, в некотором смысле примитивно, поверхностно, по сути. Почему? Например, дети часто посажены «на иглу» репетиторства «тревожными» родителями. И тогда баллы ЕГЭ — чисто «школьные»? Нет! Где фамилия того парня, который «репетировал» с ребёнком в школьном рейтинге? За кадром? Но зачем тогда школам мериться рейтингами? Сегодня другими вещами нужно мериться — например, безопасной средой, созданными условиями...

Лучшие образовательные системы мира, например, учитывают в «рейтингах» школ массу негативных социальных явлений. Например, эффективная школа та, которая выявила у школьников отклонения в социальном поведении, наметившиеся правонарушения и т. п. Это считается плюсом к её работе,

плюсом к качеству. У нас же если школа что-то подобное выявила — значит, школа недоработала, профилактику не провела, это значит в школе «все плохо», что сразу сказывается на престиже и рейтинге. Ну, а уж если подобная, в нашем случае рабочая, текущая информация (идеального ничего нет, и школа сталкивается каждый день, как минимум, с шалостями, пришедшими из семьи) попадет в СМИ... тут уж совсем плохо дело, придется оправдываться и ждать проверок.

— Часто школу обвиняют во всех смертных грехах, хотя ребёнок проводит время не только в ней, но и на улице, и в семье. Но главное, чем недовольны родители — это «поборы», «взносы», «пожертвования». У вас они есть? Или, может, у них другое название?

— Термина «взнос» вообще не существует в нашем понимании — есть добровольные пожертвования и социальная ответственность. Те, кто могут — они создают условия, кто не могут — те не создают, вот и всё. Но мы же все хотим, чтобы в школе было лучше? Не абстрактно, а конкретно, чтобы было чисто, безопасно, было новое оборудование, компьютеры, лаборатория, музей, вернисаж? И если у государства ресурсов не хватает — почему социальная ответственность родителей так плоха? Опять-таки: кто может — тот может, кто не может — тот не может. У родителя всегда есть выбор, как ровно и в случае выбора школы. В нашем учреждении мы разъясняем родителям: какие проекты мы планируем к реализации и сколько для этого необходимо средств. Все расходы, статьи расходов согласовывает Попечительский совет, отчеты по расходованию внебюджетных средств предоставляются публично на сайте организации — это нормальные, законные вещи.

— Какую долю в финансировании вашего лицея составляют деньги бюджета, а какую — финансы родителей?

— Ну, если вы так ставите вопрос... то государство и город дают гораздо больше. И это называется бесплатность образования. Цифры разные, но от 60 до 70 миллионов рублей могут составлять бюджетные средства, которые по нормативно-подушевому финансированию получает в год школа в среднем на 1 000 человек. Родительские деньги, предположим, — от нуля до, в лучшем случае, 10 миллионов рублей в год. Есть еще гранты — федеральные, региональные, муниципальные, гранты

от частно-государственного партнерства. Это те средства, которые зарабатываются интеллектом и трудом школьных команд. Есть средства от платных услуг, оказываемых организацией, средства от аренды и т. д. Финансирование хорошей школы — всегда многоканальное.

Плюс экономия бюджетных и внебюджетных средств тоже делает свое дело. Если сэкономлена электроэнергия, значит, останутся деньги на что-то другое. Я вас удивлю: бывает экономия до миллиона, а то и двух миллионов рублей! Это хорошие деньги? Но для этого нам пришлось сначала установить во всех помещениях светодиодные лампы. Мы занимаемся сегодня масштабной хозяйственно-экономической деятельностью наравне с организациями, которые производят и торгуют. Директор школы сегодня — как руководитель крупного предприятия: с учителями, учениками и родителями нас почти четыре тысячи человек, плюс здания, земля, недвижимое имущество и т. д. Например, если мы отремонтируем и утеплим фасад (вот дорогостоящий проект лежит) — у нас будет экономия тепла: правда, 17 миллионов рублей «фасада» окупятся лет через 3–5.

— Вы уже много лет в школе: замечаете, как меняются ученики? Дети уже совсем другие, чем, скажем, в мои школьные годы: они могут научить любого, как пользоваться гаджетами, но они потеряли другие, совсем простые для людей моего поколения, навыки. Что сегодня хотят от школы дети, и что школа хочет от них?

— Всё это условно, но есть тенденции. Нынешнее поколение называют поколением «Z». Это совершенно другие дети: не такие, как 10 лет назад, и уж тем более не такие, как 20 лет назад. У них другие навыки, они осмысленнее, они очень взрослые — работают с огромными объёмами информации, на «ты» с техникой и гаджетами. Нужно учитывать их психологические особенности, с ними «сидеть» на уроке только с учебником и учителем — это нереально сегодня. И получается, что школа должна стать другой, потому что дети уже стали другими.

Кризис школьного образования сейчас переживает весь мир, а не только Российская Федерация. Весь мир в поиске, потому что традиционная классно-урочная система безнадежно устарела. Посмотрите: в США обращают сейчас большое внимание на синдром дефицита внимания, выраженный практически у всех детей — дети не выдерживают скорости и объёмов информации, которые «тоннами падают» им на голову. У них просто ослабевает внимание — и очень многим подросткам выписывают соответствующие таблетки. Дети на таблетках...

Конечно, сегодня меняется все, и смысл школы тоже: он не в передаче, не в трансляции знаний. Ведь знания почти каждый день увеличиваются в геометрической прогрессии. Поэтому задача образования — научить ребенка самому учиться, уверенно действовать в ситуациях неопределенности. Исследователь видит проблему и умеет ее решить. Школа должна помочь ребёнку поверить в себя и научить главному — видеть, выбирать, решать! Ребенок должен научиться быть автором своей территории.

— Если уроки в классах за партами уходят из нашей жизни, то каким будет обучение детей через 10–20 лет?

— Скорее, школа будет дистанционной, электронной, открытой. Дети смогут учиться не только в школе, школа — это лишь одно из образовательных мест. Можно будет дистанционно изучать в условиях дополнительной реальности многие объекты и сюжеты. И самое главное: у них будет огромная доля самоподготовки и самостоятельности! Скорее: предметные курсы уступят место надпредметным и межпредметным, связанными с несколькими областями знаний. А учителя будут тьюторами, наставниками и консультантами. Их отличие от учителя в том, что они вместе с учеником ищут новые знания, а не дают готовых ответов.

— А если дети не захотят учиться? Не захотят с прогрессивными идеями шагать по жизни? Будет лень, скажут: вы, тьюторы, отстали, не вам нас учить?

— Они и сейчас не все хотят. Ну, тогда это будет как в том фильме — назад в будущее, только наоборот, вернёмся в дикое прошлое. Считать и так уже разучились из-за гаджетов.

Но прелесть общества в том, что все и должны быть разные. Давайте приведу пример: лучший учитель математики Финляндии показывает свою систему обучения, где вместо журнала — разлинованное поле: компетенции, соответствующая им математическая задача по вертикали, и школьники, объединенные в группы по горизонтали. На основе самооценки детей, всё поле в разных цветах — от чёрного, коричневого, желтого до синего и зелёного. Чёрный — «эта тема мне не нужна», а зелёный цвет — «знаю хорошо, могу обучать другого». И когда наши педагоги спрашивали: «А что вы делаете с теми, у кого чёрный, коричневый, желтый цвет?», он просто не понимал вопроса. Финский педагог понял только с третьего раза, что от него хотят, и сказал: «Задача учителя, чтобы всё поле было разноцветное». Это только мы отчего-то нацелены на то, чтобы у всех были четвёрки и пятёрки (то есть аллегорически — абсолютно сине-зеленое, а лучше исключительно зеленое поле).

Мир разный: может быть, не нужно, чтобы все дети хотели получить высшее образование, знали все темы и получали только четверки и пятерки по всем предметам? Может быть, каждый сам выберет свою траекторию жизни? Будет автором своей «территории»?

— Как и с чем вы встретите новый учебный год?

— Праздником: с новой нанолaborаторией, с новым вернисажем уральских художников, новыми инсталляциями в музее истории школы и другими сюрпризами для наших учеников. Мы хотим, чтобы ребенку в школе было уютно, интересно, чтобы он не боялся делать ошибки и любил решать трудные задачи! Лицей — это центр притяжения, в котором кипит школьная жизнь. В нем сосредоточено всё богатство современных возможностей для учителя и ученика. Оно отвечает любым запросам разнообразной программы обучения. От научных лабораторий и STA-студии до библиотеки и зимнего сада... Все пространство устроено так, чтобы вызывать интерес к образованию и желание учиться.

